

Для существа нравственного нет блага без свободы;
но эту свободу дает не Государь, не Парламент,
а каждый из нас самому себе, с помощью Божиею.
Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром
совести и доверенности к Провидению

Н.М.Карамзин

Из глубины веков...

Лишь я один, горя, лежу во мгле,
Когда лучи от мира солнце прячет;
Для всех есть отдых, я ж томлюсь, - и плачет
Моя душа, простерта на земле.

Микеланджело
(1475-1564)

MICHELAGNOLO BVONAR. PIT.
SEVLTORAE ET ARCHITET.

Микеланджело. Человек, создавший мир

Мир образов, без которых трудно прожить, как нельзя дышать без воздуха. Ведь стоит лишь однажды увидеть великие творения Буонарроти, и они пройдут с тобою всю жизнь, хочешь ты этого или нет, полюбились ли они или не полюбились. Такова магия истинного искусства. Эти образы, сотворенные рукою Микеланджело, будут всегда с тобою, как навсегда вошли в нашу жизнь музыка Бетховена и Мусоргского, слово Толстого и Шекспира, живопись Рембрандта и Рублева. Правда, можно не знать созданного ими грандиозного мира, но насколько беднее будешь ты сам, попытавшись обойтись без этих гениев, сделавших прекрасное доступным каждому смертному, принесших красоту в каждый дом.

Но всегда ли мы представляем, какую ценою эти люди достигли такой исполинской, всепроникающей силы, такой лучезарности света, которого хватает потом, после их кончины, на многие века, который доставляет сияние миллионам, миллионам людей? Ведь гении подобны звездам, свет от них продолжает идти к нам еще вереницу веков после их гибели. Можем ли мы представить, какой пламень бушует в груди смертного творца, сжигает его душу, исторгая из нее вечные слова, дивные звучания, вещие образы? Какие ежедневные муки одолевали Баха, Достоевского, Микеланджело? Сколько самых пестрых человеческих чувств всегда бушевало около гениальных художников: зависть, лесть, коварство, лицемерие; и как мало порою бывало таких нужных им в этот тяжкий акт творения чувств, как любовь или дружба.

И все-таки вопреки всему чистый лист бумаги начинал излучать свет слова, начертанного твердой и честной рукою мастера. Белый мрамор исторгал в муках нетленные образы под ударами вдохновенного резца скульптора. На холсте расцветали невиданные цветы новой красоты. Клавиши фортепиано, лишь тронутые десницей творца, приносили нам новые созвучия еще неведомых гармоний. Вопреки всему. Во имя света. Во имя прекрасного. Нет сомнения, что это состояние постоянного напряжения, собранности, нацеленности требовало титанических усилий, титанических характеров.

Игорь Долгополов

Надежная опора вдохновенью
Была дана мне с детства в красоте, -
Для двух искусств мой светоч и зеркало.
Кто мнит не так, - отдался заблужденью:
Лишь ею влекся взор мой к высоте,
Она резцом и кистью управляла.
Безудержный и низкопробный люд
Низводит красоту до вожделенья,
Но ввысь летит за нею светлый ум.
Из тлена к божеству не досягнут
Незрячие; и чаять вознесенья
Неизбранным - пустейшая из дум!

Есть истины в реченьях старины,
И вот одна: кто может, тот не хочет;
Ты внял. Синьор, тому, что ложь стрекочет,
И болтуны тобой награждены;

Я ж - твой слуга: мои труды даны
Тебе, как солнцу луч, - хоть и порочит
Твой гнев все то, что пыл мой сделать прочит,
И все мои страданья не нужны.

Я думал, что возьмет твое величье
Меня к себе не эхом для палат,
А лезвием суда и гирей гнева;

Но есть к земным заслугам безразличье
На небесах, и ждать от них наград -
Что ожидать плодов с сухого древа.

Оплакивание Христа, или Пьета (~1498-1500)

...Пусть никогда и в голову не приходит любому скульптору, будь он художником редкостным, мысль о том, что и он смог бы что-нибудь добавить к такому рисунку и к такой грации и трудами своими мог когда-нибудь достичь такой тонкости и чистоты и подрезать мрамор с таким искусством, какое в этой вещи проявил Микеланджело, ибо в ней обнаруживаются вся сила и все возможности, заложенные в искусстве. Среди красот здесь, помимо божественно выполненных одеяний, привлекает внимание усопший Христос; И пусть и в голову не приходит кому-либо увидеть обнаженное тело, выполненное столь искусно, с такими прекрасными членами, с отделанными так тонко мышцами, сосудами, жилами, одевающими его остов, или увидеть мертвеца, более похожего на мертвеца, чем этот мертвец. Здесь и нежнейшее выражение лица, и некая согласованность в привязке и сопряжении рук, и в соединении туловища и ног, и такая обработка кровеносных сосудов, что поистине повергаешься в изумление, как могла рука художника в кратчайшее время так божественно и безукоризненно сотворить столь дивную вещь; и, уж конечно, чудо, что камень, лишенный первоначально всякой формы, можно было когда-либо довести до того совершенства, которое и природа с трудом придает плоти. В это творение Микеланджело вложил столько любви и трудов, что только на нем (чего он в других своих работах больше не делал) написал он свое имя вдоль пояса, стягивающего грудь Богоматери; вышло же это так, что однажды Микеланджело, подойдя к тому месту, где помещена работа, увидел там большое число приезжих из Ломбардии, весьма ее восхвалявших, и когда один из них обратился к другому с вопросом, кто же это сделал, тот ответил: "Наш миланец Гоббо". Микеланджело промолчал, и ему показалось по меньшей мере странным, что его труды приписываются другому. Однажды ночью он заперся там со светильником, прихватив с собой резцы, и вырезал на скульптуре свое имя. И поистине она такова, как сказал о ней один прекраснейший поэт, как бы обращаясь к настоящей и живой фигуре:

Достоинство и красота
И скорбь: над мрамором сим полно вам стенать!
Он мертв, но жив, – и снятого с креста
Остерегитесь песнями поднять,
Дабы до времени из мертвых не воззвать
Того, кто скорбь приял один
За всех, кто есть наш господин,
Тебе ж – отец, супруг и сын теперь
О ты, единая жена и мать и дочь!

И не даром приобрел он себе славу величайшую, и хотя некоторые, как-никак, но все же невежественные, люди говорят, что Богоматерь у него чересчур молода, но разве не замечали они или не знают того, что ничем не опороченные девственники долго удерживают и сохраняют выражение лица ничем не искаженным, у отягченных же скорбью, каким был Христос, наблюдается обратное? Почему такое произведение и принесло его таланту чести и славы больше, чем все прежние, взятые вместе.

Моисей (1513-1515 гг.)

«Он закончил и мраморного Моисея высотой в пять локтей, и со статуей этой не может по красоте сравниться ни одна из современных работ, впрочем, то же можно сказать и о работах древних: в самом деле, он сидит в величественнейшей позе, опираясь локтем на скрижали, которые придерживает одной рукой, другой же он держит ниспадающую прядями длинную бороду, выполненную из мрамора так, что волоски, представляющие собою трудность в скульптуре, тончайшим образом изображены пушистыми, мягкими и расчесанными, будто совершилось невозможное и резец стал кистью. И помимо красоты лица, имеющего поистине вид настоящего святого и грознейшего владыки, хочется, когда на него смотришь, скрыть покрывалом это лицо, столь сияющее и столь лучезарное для всякого, кто на него смотрит; так прекрасно передал Микеланджело в мраморе всю божественность, вложенную Господом в его святейший лик; не говоря уж о том, как прорезана и отделана одежда, лежащаяся красивейшими складками, и до какой красоты и до какого совершенства доведены руки с мышцами и кисти рук с их костями и жилами и точно так же ноги, колени и стопы в особой обуви; да и настолько закончено каждое его творение, что Моисея ныне еще больше, чем раньше, можно назвать другом Господа, пожелавшего руками Микеланджело задолго до того, чем у других, воссоздать его тело и подготовить его к воскресению из мертвых. И пусть евреи, мужчины и женщины, как они это делают каждую субботу, собираются стаями, словно скворцы, и отправляются к нему, чтобы увидеть его и поклониться, ибо поклонятся они творению не человеческому, а божественному»

Джорджо Вазари
Жизнеописания

Когда Микеланджело окончил своего «Моисея», то, отступив от скульптуры и окинув ее взором, он вскричал в каком-то исступленном порыве:

«Ты живой, что же ты не встаешь? Иди!»

Статуя была нема и неподвижна...

Тогда Буонарроти в сердцах ударил резцом по мраморному колену пророка.

Всмотритесь... Вы увидите маленький след-рубец, свидетель радости и отчаяния гения.

Этот шрам на мраморе даст вам почувствовать в один миг больше, чем вы получите от чтения толстой монографии о жизни этого великого флорентийца — первого мастера мира.

Игорь Долгополов
«Рассказы о художниках»

Давид (1504 год)

Давид

Здоровый вкус разборчиво берет
В первейшем из искусств произведенья,
Где тел людских обличье и движенья
Нам глина, мрамор, воск передает.
Пусть времени глумливый, грубый ход
Доводит их до порчи, разрушенья, -
Былая красота их от забвенья -
Спасается и прелесть бережет.

Микеланджело

... Микеланджело вылепил модель из воска, задумав изобразить в ней в качестве дворцовой эмблемы юного Давида с пращой в руке, с тем чтобы, подобно тому, как Давид защитил свой народ и справедливо им управлял, и правители этого города мужественно его защищали и справедливо им управляли...

Джорджо Вазари

Высокий дух, чей образ отражает
В прекрасных членах тела своего,
Что могут сделать Бог и естество,
Когда их труд свой лучший дар являет.
Прелестный дух, чей облик предвещает
Достоинства пленительней всего:
Любовь, терпенье, жалость, - чем его
Единственная красота сияет!
Любовью взят я, связан красотой,
Но жалость нежным взором мне терпенье
И верную надежду подает.
Где тот устав иль где закон такой,
Чье спешное иль косное решенье
От совершенства смерть не отведет?

Микеланджело

Разорваны струны на арфе забвенной
Царя-песнопевца, владыки народов, любимца небес!
Нет более арфы, давно освященной
Сынов иудейских потоками слез!
О, сладостны струн ее были перуны!
Рыдайте, рыдайте! на арфе Давида разорваны струны!

Гармонией сладкой она пронизала
Железные души, медяные груди суровых людей;
Ни слуха, ни сердца она не встречала,
Чтоб их не восхитить до звездных полей
Чудесным могуществом струнного звона.
Священная арфа Давида сильнее была его трона.

Вслух миру царя она славу гремела;
Величила в песнях могущество бога, его чудеса;
Веселием полнила грады и села.
И двигала горы и кедров леса;
Все песни ее к небесам возвышались,
И там, взлетевши, под скинией бога навеки остались,

С тех пор на земле их не слышно, небесных.
Но кроткая вера еще восхищает слух кротких сынов
Мелодией сладкой тех звуков чудесных:
Они, как от звездных слетая кругов,
Лелеют их души небесными снами,
Которых не может и солнце разрушить златыми лучами.

Николай Гнедич

Сегодня за ужином бедной Итальянской музыкант играл на арфе и пел. Англичане набросали ему целую тарелку серебряных денег, и хотели, чтобы он рассказал нам свою историю. Слушайте, сказал он, и запел:

Я в бедности на свет родился,
И в бедности воспитан был;
Отца в младенчестве лишился
И в свете сиротою слыл.

Но бог, искусный в песнопеньи,
Меня сиротку полюбил;
Явился мне во сновиденьи,
И арфу с ласкою вручил;

Открыл за тайну, как струною
С сердцами можно говорить,
И томной, жалкою игрою
Всех добрых в жалость приводить.

Я арфу взял, — ударил в струны;
Смотрю — и в сердце горя нет..
Тому не надобно Фортуны,
Кто с Фебом в дружестве живет.

Н.М.Карамзин
«Письма русского путешественника»

Святое семейство (1504 год)

Будь чист огонь, будь милосерден дух,
Будь одинаков жребий двух влюбленных,
Будь равен гнет судеб неблагоприятных,
Будь равносильно мужество у двух.
Будь на одних крылах в небесный круг
Восхищена душа двух тел плененных,
Будь пронзено двух грудей воспаленных
Единою стрелою сердце вдруг,
Будь каждый каждому такой опорой,
Чтоб, избавляя друга от обуз,
К одной мечте идти двойною волей,
Будь тьмы соблазнов только сотой долей
Вот этих верных и любовных уз,-
Ужель разрушить их случайной ссорой?

Микеланджело

Бельведерский торс

Бельведерский торс

«Наша душа состоит из гармонии, а гармония зарождается только в те мгновения, когда пропорциональность объектов становится видимой и слышимой», — писал Леонардо.

В анналах истории искусств запечатлен один эпизод, как нельзя лучше подтверждающий глубочайшее высказывание великого да Винчи.

Однажды кардинал Сальвиати был потрясен, увидев Микеланджело на коленях перед античным «Бельведерским торсом». Казалось, что гениальный Буонаротти не только вглядывается в замечательное творение мастера Древней Эллады, но и прислушивается к чему-то. В просторном зале Ватикана было тихо, только мягкие лучи вечернего солнца словно обволакивали скульптуру. Кардинал пытался заговорить с Микеланджело, но художник будто не замечал святого отца, целиком поглощенный лицезрением шедевра... Наконец словно очнувшись, он заметил Сальвиати и прошептал: «Это произведение человека, который знал больше, чем сама природа, и великое несчастье, что оно так изуродовано».

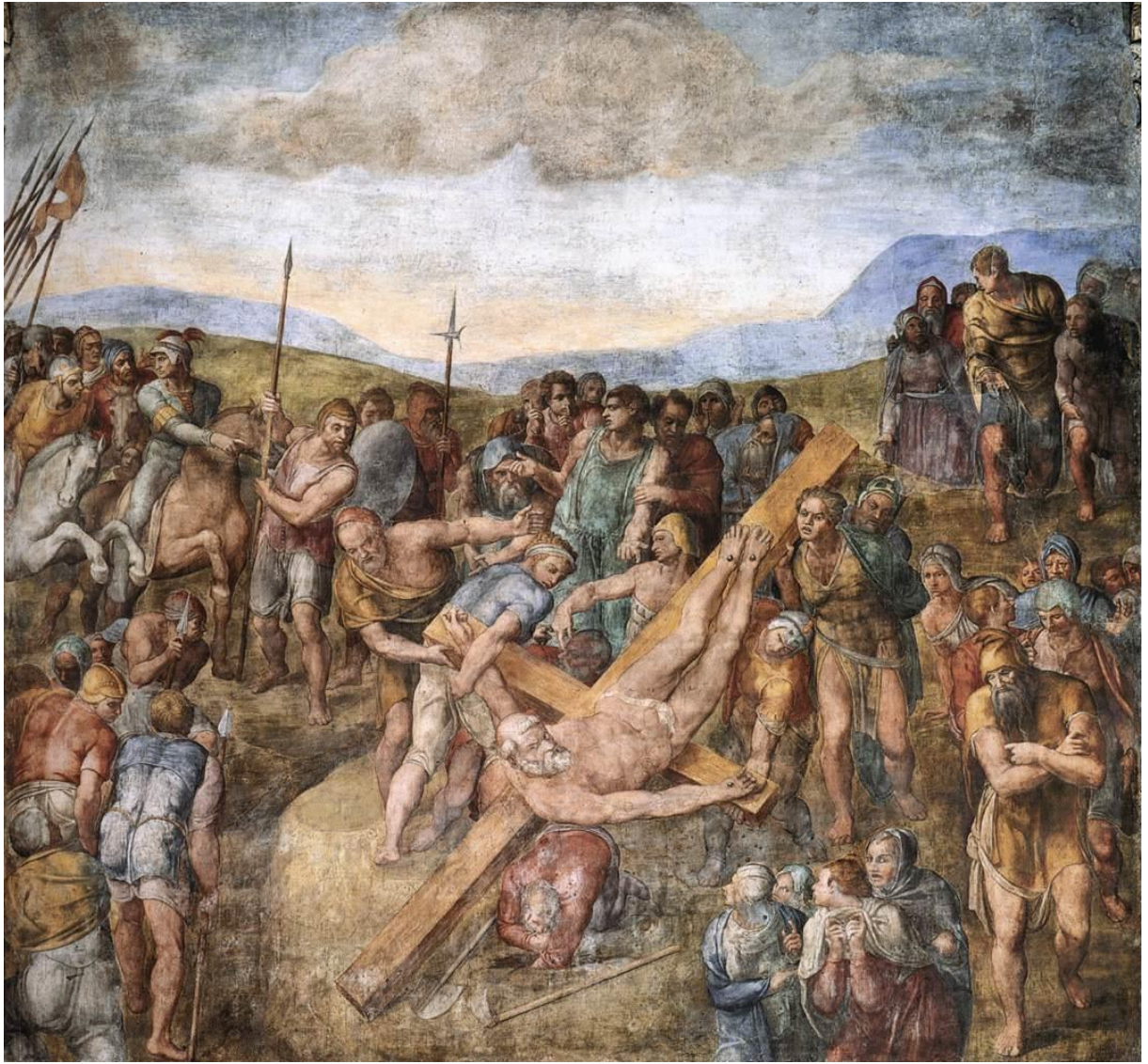
Тот, кто был в Риме и видел этот обломок величественного создания аттического ваятеля, поймет таинственное могущество творения искусства. Это, пожалуй, начало начал. Никакое варварство, ни вандализм, разбившие это чудо, не смогли погасить пламень гения, заложенный в камень. Никакие заметы времени, покрывшие благородный мрамор щербинами и выбоинами, не затмевают главного – светозарного ощущения жизни, заключенного в этой глыбе.

Калека, без ног, рук, всего лишь торс, по существу обрубок, он все же говорит об Элладе не меньше сок Гомера невероятна подлинность, изначальность движения, мощи, заложенных в статуе. Напряжены мышцы титана, пульсирует горячая кровь в холодном монолите, вы слышите, да, слышите биение сердца героя. Вот-вот сейчас восстанет этот Человек!

«Гармония видимая и слышимая»
Игорь Долгополов

Кто создал все, тот сотворил и части -
И после выбрал лучшую из них,
Чтоб здесь явить нам чудо дел своих,
Достойное его высокой власти.

Микеланджело

Распятие святого Петра (1550 год)

Капелла «Паолина» «Распятие Петра»

Льется сверху серебристый свет, озаряя две громадные росписи кисти Микеланджело Буонарроти - "Обращение Павла" и "Распятие Петра".

Светлая, прозрачная живопись потрясает своей неожиданной свежестью ощущения мира.

Необычайное, странное чувство охватывает меня...

Ведь эти росписи начаты Микеланджело в октябре 1542 года и окончены почти через восемь лет, в 1550 году.

Художнику было тогда уже семьдесят пять лет.

Мне будто видится торжественная месса открытия капеллы. В толпе роскошно разодетой римской знати, лощеных придворных, кардиналов и епископов стоит старый мастер. Он бесконечно одинок. Стар.

Он пережил почти всех своих друзей.

Тяжело далась ему эта работа. Семь лет он провел совсем один в этой капелле, никого не пуская, чтобы не мешали писать. И вот труд окончен, и пусть, пусть видит вся эта публика глаза распятого Петра... Буонарроти стоит, окруженный коварными лицедеями и зловещими мракобесами. Живой среди призраков надвигающегося снова мрака средневековья. Последний из рыцарей старой, доброй, вольной Флоренции тех давних времен, когда создавался «Давид» и дышалось так легко.

«Распятие Петра»... Пустынная, холмистая местность. Недоброе светлое небо с рваными тучами. Толпа людей окружила тяжелый, массивный крест. У подножия креста землекоп. Зияет черная яма. На кресте вниз головою распят человек. Немолодой, седоголовый, он яростно, невзирая на боль, широко открытыми глазами смотрит на этот грешный мир, на римских центурионов. Народ в ужасе толпится вокруг.

Ужасен, невыносим гневный взор пророка. Надбровия сомкнулись. Две жесткие морщины прочертили крутой лоб. Ни капли страдания. Ненависть. Ярость в светлых, широко открытых глазах... Петр слышит лязг оружия, короткие, отрывистые слова команд. Скрытые вздохи и стоны простых людей. Вой ветра. Топот и ржание коней. Апостол могуч. Пусть гвозди пробили его живую плоть, но он еще жив и готов принять лютую казнь без содрогания. Дух Петра не покорен!

Я пристально гляжу на лицо Петра. Его глаза рядом со мною, совсем близко, и меня до глубины души потрясает художественный расчет Микеланджело, поражающий сердце зрителя величию подвига. Какими мелкими, суетливыми выглядят жалкие, смятенные люди рядом с этим обреченным, почти мертвецом! Но он, Петр, живет! Еще бурлит горячая кровь по жилам. Еще ходят буграми могучие мышцы, напряженные до предела. Он молчит. Но взор его поражает сильнее крика. От этого взгляда не уйти никуда. Он словно пригвозждает тебя к невидимому кресту - и ты ощущаешь всю мелочность и ничтожность своего бытия.

Иные художественные критики находили вялость и черты старческой немощи в исполнении фресок капеллы Паолина. Думается, это неверно. Возможно, время и многочисленные реставрации ослабили, а местами, может быть, разрушили мощь микеланджеловского письма. Но я почему-то не вижу этого. Меня потрясает современное видение мастера, его просветленная, тонкая валерная живопись. Его неподражаемое умение видеть общее, главное в решении композиции... Одиночество. С какою трагической силой выражено это состояние в «Распятии Петра»! Какую гамму человеческих чувств удалось раскрыть художнику в десятках фигур людей, так по-разному реагирующих на это страшное действо!..

Не знаю, видел ли эту фреску наш великий Суриков, но я не могу не вспомнить его «Боярыню Морозову». Холст, в котором с такою необычайной глубиной показан несломленный дух, раскрыта драматургия поведения толпы.

Я как будто сквозь сон слышу голос Ренато Гуттузо:

- Потрясающе!

И снова тишина. И снова беззвучно падают лучи майского солнца на грандиозные фрески Микеланджело. И с новой силой цветут бессмертные краски росписей капеллы Паолина.

Когда я по лестнице алмазной
поднимусь из жизни на райский порог,
за плечом, к дубинке легко привязан,
будет заплатанный узелок.

Узнаю: ключи, кожаный пояс,
медную плешь Петра у ворот.
Он заметит: я что-то принес с собою -
и остановит, не отопрет.

"Апостол,- скажу я,- пропусти мя!.."
Перед ним развяжу я узел свой:
два-три заката, женское имя
и темная горсточка земли родной...

Он поводит строго бровью седою,
но на ладони каждый изгиб
пахнет еще гефсиманской росой
и чешуей иорданских рыб.

И потому-то без трепета, без грусти
приду я, зная, что, звякнув ключом,
он улыбнется и меня пропустит,
в рай пропустит с моим узелком.

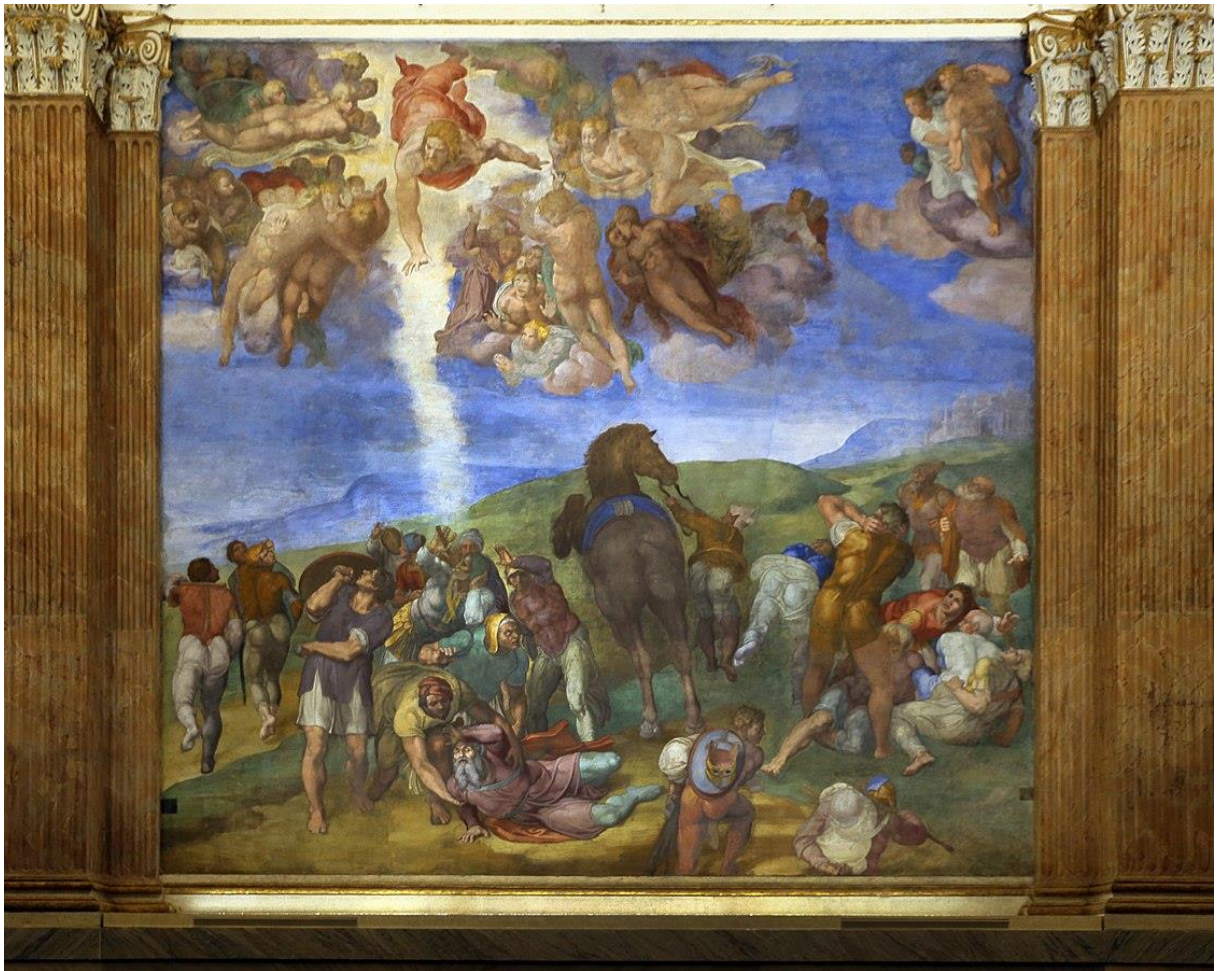
В. Набоков

**Статуя святого Петра выполнена скульптором готической эпохи
(1245-1302 гг.)**

И радостны и скорбию убиты
Всеправедные души, что за них
Ты принял смерть, чтоб для сынов земных
Врата Эдема были б вновь открыты.
Им радостно, что дети зла омыты
От первородных, жалких скверн своих;
Им горестно, что от мучительств злых,
Как раб рабов, угас в своей крови Ты.
Кто Ты? откуда? - Небо, в изъясненье,
Смежило взор, разверзло зев земли,
Шатнуло горы, всколебало море;
Коснеют злые ангелы в позоре,
В обитель мрака праотцы ушли,
Но весел человек, приняв крещение.

Микеланджело

Обращение святого Павла

Обращение св. Павла с парящим в воздухе Иисусом Христом и множеством обнаженных ангелов в великолепнейших поворотах; а внизу – как лежит на земле упавший с лошади, ошеломленный и напуганный Павел в окружении своих солдат, из которых одни пытаются его поднять, другие же, ошеломленные голосом и сиянием Христа, ослепленные и испуганные, убегают в различных и прекрасных положениях и движениях, а убегаящая лошадь словно увлекает за собою в быстроте своего порыва всех тех, кто старается ее удержать; и вся эта история выполнена с исключительным мастерством и искусством рисунка.

И карандаш и краски уравниали
С благой природой ваше мастерство
И так высоко вознесли его,
Что в ней красы еще прекрасней стали.

Ученою рукой теперь нам дали
Вы новый плод усердия своего
И, не презрев из славных никого,
Нам многих жизней повесть начертали.

Напрасно век, с природой в состязаньи
Прекрасное творит: оно идет
К небытию в урочный час отлива.

Но вы вернули вновь воспоминанье
О поглощенных смертию, - и вот,
Ей вопреки, оно навеки живо!

Микеланджело

Верните вы, ручьи и реки, взорам
Поток не ваших и соленых вод,
Чей быстрый бег сильнее меня несет,
Чем вы своим медлительным напором.
И ты, туман, верни глазам, которым
От слез невидим звездный небосвод,
Их скорбь, и пусть твой хмурый лик блеснет
В мой жадный зрак яснеющим простором.
Верни, земля, следы моим стопам,
Чтоб встать траве, примятой мной сурово,
И ты, глухое эхо, - ропот мой;
И взгляды, вы, - святой огонь очам,
Чтоб новой красоте я отдал снова
Мою любовь, не взятую тобой.

Микеланджело

Уж дни мои течение донесло
В худой ладье, сквозь непогоды моря
В ту гавань, где свой груз добра и горя
Сдаёт к подсчёту каждое весло.
В тираны, в боги вымысел дало
Искусство мне, - и я внимал, не споря;
А ныне познаю, что он, позоря
Мои дела, лишь сеет в людях зло.
И жалки мне любовных дум волненья:
Две смерти, близясь, леденят мне кровь, -
Одна уж тут, другую должен ждать я.
Ни кисти, ни резцу не дать забвенья
Душе, молящей за себя Любовь,
Нам со креста простершую объятья.

Микеланджело

К Провидению

Пред богом милости я сердце обнажил:
Он призрел на мое крушение;
Уврачевал мой дух и сердце укрепил;
Несчастных любит провиденье.

Уже я слышал крик враждебных мне сердец:
Погибни он во мраке гроба!
Но милосердый бог воззвал мне как отец:
«Хвала тебе презренных злоба!

Друзья твои - льстецы, коварство - их язык,
Обман невинности смиренной;
Тот, с кем ты хлеб делил, бежит продать твой
лик,
Его коварством очерненной.

Но за тебя на них восстановлю я суд
Необольстимого потомства;
И на челе своем злодеи не сотрут
Печати черной вероломства".

Я сердце чистое, как жертву для небес,
Хранил любви в груди суровой;
И за годы тоски, страдания и слез
Я ждал любви, как жизни новой;

И что ж? произнося обет ее святой,
Коварно в грудь мне нож вонзали;
И, оттолкнув меня, убитого тоской,
На гроб с улыбкой указали.

Увы, минутный гость я на земном пиру,
Испивши горькую отраву,
Уже главу склонял ко смертному одру,
Возненавидя жизнь и славу.

Уже в последний раз приветствовать я мнил
Великолепную природу.
Хвала тебе, мой бог! ты жизнь мне возвратил,
И сердцу гордость и свободу!

Спасительная длань, почий еще на мне!
Страх тайный всё еще со мною:
От бури спасшийся пловец и по земле
Ступает робкою стопою;

А я еще плыву, и бездны подо мной!
Быть может, вновь гроза их взроет;
Синеющий брег вновь затуманит мглой
И свет звезды моей сокроет.

О провидение! ты, ты мой зыбкий челн
Спасало бурями гонимой;
Не брось еще его, средь новых жизни волн.
До пристани - уже мне зримой.

Умей творить из самых малых крох.
Иначе, для чего же ты кудесник?
Среди людей ты Божества наместник,
Так помни, чтоб в словах твоих был Бог.

В лугах расцвёл кустом чертополох,
Он жёсток, но в лиловом он прелестник.
Один толкачик знойных суток вестник.
Судьба в один вместиться может вздох.

Маэстро Итальянских колдований
Приказывал своим ученикам
Провидеть полный пышной славы храм

В обломках камня и в обрывках тканей.
Умей хотеть, и силою желаний
Господень дух промчится по струнам.

К.Бальмонт